

Архетип и символ

Карл Густав Юнг (Carl Gustav Jung; 1875–1961) — швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии, ученик Зигмунда Фрейда. Оказал значительное влияние не только на психиатрию и психологию, но и на социальную философию, антропологию, этнологию, культурологию, педагогику. Работы Юнга содержат широкий спектр философско-психологической проблематики: от традиционных для психоанализа вопросов терапии нервно-психических расстройств до глобальных проблем существования человека в обществе, которые рассматривались им сквозь призму собственных представлений об индивидуальной и коллективной психике и учения об архетипах.

В настоящем издании собраны те произведения, в которых проблемы мифологии и религии ставятся в самом общем виде, в связи с теми или иными положениями аналитической психологии Карла Юнга. Они дают представление о той культурологии (или историософии), которая была развита учёным на основе его теории коллективного бессознательного.

Карл Густав ЮНГ

АРХЕТИП И СИМВОЛ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 159.964.2 Юнг
Ю 50

Юнг К. Г.

Ю 50 Архетип и символ / Карл Густав Юнг. — Киев: Издательский дом «С В А Р О Г», 2023. — 436 с.

ISBN 978-966-370-765-5

Карл Густав Юнг (Carl Gustav Jung; 1875–1961) — швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии, ученик Зигмунда Фрейда. Оказал значительное влияние не только на психиатрию и психологию, но и на социальную философию, антропологию, этнологию, культурологию, педагогику. Работы Юнга содержат широкий спектр философско-психологической проблематики: от традиционных для психоанализа вопросов терапии нервно-психических расстройств до глобальных проблем существования человека в обществе, которые рассматривались им сквозь призму собственных представлений об индивидуальной и коллективной психике и учения об архетипах.

В настоящем издании собраны те произведения, в которых проблемы мифологии и религии ставятся в самом общем виде, в связи с теми или иными положениями аналитической психологии Карла Юнга. Они дают представление о той культурологии (или историософии), которая была развита учёным на основе его теории коллективного бессознательного.

УДК 159.964.2 Юнг

ISBN 978-966-370-765-5

© Издательский дом «С В А Р О Г», 2023.

Жизнь и воззрения К. Г. Юнга

Карл Густав Юнг родился 26 июля 1875 г. в швейцарском местечке Кесвиль в семье священника евангелически—реформатской церкви. Семья Юнгов происходила из Германии: прадед К. Юнга руководил военным госпиталем во времена наполеоновских войн, брат прадеда некоторое время занимал пост канцлера Баварии (был женат на сестре Ф. Шлейермахера). Дед — профессор медицины — переехал в Швейцарию с рекомендацией А. фон Гумбольдта и слухами, будто он внебрачный сын Гёте. Отец К.Юнга помимо теологического образования получил степень доктора филологии, но, разуверившись в силах человеческого разума, оставят занятия восточными языками и какими бы то ни было науками вообще, полностью отдавшись вере. Мать Карла Густава происходила из семьи местных бюргеров, которые на протяжении многих поколений становились протестантскими пасторами. Религия и медицина, таким образом, соединились в этой семье задолго до рождения Карла Густава.

Семья принадлежала к «хорошему» обществу, но едва сводила концы с концами. Детство и особенно юность Юнга прошли в бедности. Он получит возможность учиться в лучшей гимназии Базеля, куда переехала семья, только благодаря помощи родственников и сохранившимся связям отца. Необщительный, замкнутый подросток, он так и не приобрел себе приятелей (от вытекающих отсюда неприятных последствий его избавляли высокий рост и изрядная физическая

сила). К внешней среде приспособлялся с трудом, нередко сталкивался с непониманием окружающих, предпочитая общению погружение в мир собственных мыслей. Словом, представлял классический случай того, что сам он назвал впоследствии «интроверсией». Если у экстраверта психическая энергия направлена преимущественно на внешний мир, то у интроверта она перемещается к субъективному полюсу, к образам собственного сознания. Свои мемуары Юнг не зря назвал «Воспоминания, сновидения, размышления» — сновидения играли огромную роль в духовной жизни Юнга с раннего детства, и на анализе сновидений позже строилась вся его психотерапевтическая практика.

Еще в отрочестве Карл Густав пришел к отрицанию религиозных представлений своего окружения. Догматизм, ханжеское морализаторство, превращение Иисуса Христа в проповедника викторианской морали вызывали у него искреннее возмущение: в церкви «бесстыдно толковали о Боге, его стремлениях и действиях», профанируя все священное «избитыми сентиментальностями». В протестантских религиозных церемониях он не видел и следа божественного присутствия; по его мнению, если Бог некогда и жил в протестантизме, то давно покинул эти храмы. Знакомство с догматическими трудами привело к мысли, что они являются «образцом редкостной глупости, единственная цель которых — сокрытие истины»; католическая схоластика оставляла впечатление «безжизненной пустыни» ^[1]. Живой религиозный опыт стоит выше всех догматов, считал молодой Юнг, а потому «Фауст» Гёте и «Так говорил Заратустра» Ницше оказались для него ближе к истинной религии, чем весь либеральный протестантизм. «Мне вспоминается подготовка к конфирмации, которую проводил мой собственный отец,

— писал Юнг спустя несколько десятилетий. — Катехизис был невыразимо скучен. Я перелистал как-то эту книжечку, чтобы найти хоть что-то интересное, и мой взгляд упал на параграфы о троичности. Это заинтересовало меня, и я с нетерпением стал дожидаться, когда мы дойдем на уроках до этого раздела. Когда же пришел этот долгожданный час, мой отец сказал: «Данный раздел мы пропустим, я тут сам ничего не понимаю». Так была похоронена моя последняя надежда. Хотя я удивился честности моего отца, это не помешало мне с той поры смертельно скучать, слушая все толки о религии» [2].

Живой опыт божественного был явлен многочисленными сновидениями: во сне являлись чудовищные, страшные, но величественные образы. Под влиянием нескольких постоянно повторявшихся сновидений сомнения в догматах христианства усилились. Среди прочих рассуждений Юнга—гимназиста о Боге (а им он методично предавался по два часа в день по дороге в гимназию и обратно) главное место теперь занимает очевидная «ересь»: Бог не всеблаг, у него имеется темная, страшная ипостась.

В сновидениях Юнга той поры важен еще один мотив: он наблюдал образ наделенного магической силой старца, который был как бы его alter ego. В повседневных заботах жил замкнутый, робкий юноша — личность номер один, а в снах являлась другая ипостась его «Я» — личность номер два, обладающая даже собственным именем (Филемон). Уже завершая свое обучение в гимназии, Юнг прочитал «Так говорил Заратустра» и даже испугался: у Ницше тоже была «личность № 2» по имени Заратустра; она вытеснила личность философа (отсюда безумие Ницше — так Юнг считал и в дальнейшем, вопреки более достоверному медицинскому диагнозу). Страх перед подобными последствиями

«сновидчества» способствовал решительному повороту к реальности. Да и необходимость одновременно учиться в университете, работать, зная, что рассчитывать приходится лишь на свои силы, уводила от волшебного мира сновидений. Но позже, в учении о двух типах мышления найдет отражение и личный сновидческий опыт Юнга. Главной целью юнговской психотерапии станет единение «внешнего» и «внутреннего» человека у пациентов, а размышления зрелого Юнга на темы религии в какой-то степени будут лишь развитием того, что было испытано им в детстве.

При выяснении источников того или иного учения нередко злоупотребляют словом «влияние». Очевидно, что влияние не есть однозначная детерминация: «повлиять» в истинном смысле слова, когда речь идет о великих философских или богословских учениях, можно только на того, кто сам собою что-то представляет. Юнг в своем развитии отталкивался от протестантской теологии, усваивая одновременно духовную атмосферу своего времени. Он принадлежал к немецкой культуре, которой издавна был свойственен интерес к «ночной стороне» существования. В начале прошлого века романтики обратились к народным сказаниям, мифологии, «рейнской мистике» Экхарта и Таулера, к алхимической теологии Бёме. Врачи— шеллингианцы (Карус) уже пытались применять учение о бессознательном психическом в лечении больных. Пантеизм Гете сочетался у Юнга с «мировой волей» Шопенгауэра, с модной «философией жизни», с трудами биологов— виталистов. На глазах Юнга происходила ломка патриархального уклада жизни в Швейцарии и Германии: уходил мир деревень, замков, небольших городков, в самой атмосфере которых оставалось, как писал Т. Манн, «нечто от духовного склада людей, живших, скажем, в последние

десятилетия пятнадцатого века, — истеричность уходящего средневековья, нечто вроде скрытой душевной эпидемии», с подспудной душевной предрасположенностью к фанатизму и безумию ^[3].

В учении Юнга сталкиваются духовная традиция прошлого и современность, алхимия XV-XVI вв. и естествознание, гностицизм и научный скепсис. Интерес к далекому прошлому как к чему-то постоянно сопровождающему нас сегодня, сохранившемуся и действующему на нас из глубин, был характерен для Юнга еще в юности. Любопытно, что в университете ему более всего хотелось учиться на археолога. «Глубинная психология» своим методом чем-то напоминает археологию. Известно, что Фрейд неоднократно сравнивал психоанализ с этой наукой и сожалел, что название «археология» закрепилось за поисками памятников культуры, а не за «раскопками души». «Архее» — первоначало, и «глубинная психология», снимая слой за слоем, движется к самым основаниям сознания.

Однако в Базеле археология не преподавалась, а в другом университете Юнг учиться не мог — скромную стипендию ему могли выплачивать лишь в родном городе. Сегодня спрос на выпускников естественнонаучных и гуманитарных факультетов университета велик, но в конце прошлого века ситуация была иной. Профессионально заниматься наукой могли лишь материально обеспеченные люди, кусок хлеба гарантировали теологический, юридический и медицинский факультеты. Юриспруденция была Юнгу совершенно чужда, протестантская теология вызывала отвращение, тогда как медицинский факультет наряду с профессией, позволявшей выбраться из нищеты, давал и сносное естественнонаучное образование.

Как и в гимназии, Юнг отлично учился в университете, вызывая удивление своих сокурсников тем, что помимо учебных дисциплин он отдавал много времени изучению философии. До последнего года обучения он специализировался по внутренним болезням, ему уже было обеспечено место в престижной мюнхенской клинике. В последнем семестре нужно было сдавать психиатрию, он открыл учебники и прочитал на первой странице, что психиатрия есть «наука о личности». «Мое сердце неожиданно резко забилося, — вспоминал Юнг в старости. — Возбуждение было необычайным, потому что мне стало ясно, как при вспышке просветления, что единственно возможной целью для меня может быть психиатрия. Только в ней сливались воедино два потока моих интересов. Здесь было эмпирическое поле, общее для биологических и духовных фактов, которое я искал повсюду и нигде не находил. Здесь же коллизия природы и духа стала реальностью»^[4]. Человеческая психика является местом встречи науки и религии, конфликт между ними преодолим на пути подлинного самопознания. Тут же было принято решение, которое удивило всех — психиатрия считалась самым непрестижным для медика занятием, хотя бы потому, что все успехи медицины в XIX в. не привели к заметным результатам в лечении психических заболеваний.

После окончания университета Юнг переезжает в Цюрих, начинает работать в клинике Бургхёльци, руководимой видным психиатром Э.Блейлером. Базель и Цюрих имели для Юнга символическое значение как два полюса европейской духовной жизни. Базель — живая память европейской культуры. В университете не забывали о преподававшем в нем Эразме и учившемся Гольбейне, на филологическом факультете преподавали профессора, лично знавшие Ницше.

Интерес Юнга к философии мог вызвать недоумение у медиков, но философия считалась в Базеле необходимой стороной культуры. В Цюрихе же она, наоборот, считалась непрактичным «излишеством». Кому нужны все эти ветхие книжные знания? Наука тут рассматривалась как полезное орудие, ценилась по своим приложениям, эффективному применению в индустрии, строительстве, торговле, медицине. Базель уходил корнями в далекое прошлое, в то время как Цюрих устремлялся в столь же далекое будущее. Юнг видел в этом «раскол» европейской души: рассудочная индустриально—техническая цивилизация предаёт забвению свои корни. И это закономерно, ибо душа окостенела в догматическом богословии. Наука и религия вступили в противоречие именно потому, полагал Юнг, что религия оторвалась от жизненного опыта, тогда как наука уходит от важнейших проблем, она держится плотского эмпиризма и прагматизма. «Мы стали богатыми в познаниях, но бедными в мудрости», — напишет он вскоре. В созданной наукой картине мира человек есть лишь механизм среди других механизмов, его жизнь утрачивает всякий смысл. Необходимо найти ту область, где религия и наука не опровергают друг друга, а наоборот, сливаются в поисках первоисточка всех смыслов. Психология сделалась для Юнга наукой наук — именно она, с его точки зрения, должна дать современному человеку целостное мировоззрение.

В своих поисках «внутреннего человека» Юнг не был одинок. У многих мыслителей конца XIX — начала XX вв. мы обнаруживаем то же негативное отношение и к мертвому космосу естествознания, и к церкви, и к религии. Одни из них, например Толстой, Унамуно, Бердяев, обращаются к христианству и дают ему самое неортодоксальное толкование. Другие, испытав душевный кризис, создают философские

учения, которые иногда не без основания называют «иррационалистическими», — так появляются прагматизм Джеймса или интуитивизм Бергсона. Ни эволюцию живой природы, ни поведение самого примитивного организма, ни тем более мир человеческих переживаний не объяснить законами механики и физиологии. Жизнь есть вечное становление, гераклитовский поток, «порыв», не признающий закона тождества. И вечный сон материи, круговорот веществ в природе, и вершины духовной жизни суть лишь два полюса этого неустойчивого потока.

Кроме «философии жизни» Юнга задела и мода на оккультизм. На протяжении двух лет он принимал участие в спиритических сеансах, познакомился с обширной литературой по астрологии, нумерологии и другим «тайным» наукам. Эти увлечения студенческих лет во многом определили характер позднейших исследований Юнга. От наивной веры в то, что медиумы общаются с духами умерших, он скоро отошел. Сам факт общения с духами, кстати сказать, отрицают и серьезные оккультисты. Астральные тела не принимают участия в земной жизни, медиумы вступают в контакт лишь со своеобразными «раковинами», «психическими оболочками», сохраняющими отдельные черты населявшей их личности, которая к этому времени уже покинула астральный мир и перешла в более высокое измерение. Эти оболочки обладают лишь видимостью жизни, они оживляются психической энергией впавшего в транс медиума (или, во время столоверчения, энергией его участников). Поэтому в произвольном письме, в речах медиума могут проявиться какие-то реплики умерших, но о подлинном общении с духами не может быть и речи, поскольку материализуются лишь какие-то осколки этой «раковины», соединившиеся к тому же с идеями и впечатлениями медиума.

Медиумом была дальняя родственница Юнга, полуграмотная девушка, не склонная к актерству и надувательству. Состояния транса были неподдельными; об этом свидетельствовало хотя бы то, что неокончившая гимназии девушка, будучи в трансе, переходила на литературный немецкий язык, которым в обычном состоянии не владела (швейцарский диалект сильно отличается от литературного верхненемецкого). Как и большая часть сообщений «духов», это не выходило за пределы того, что было доступно сознанию медиума: на бессознательном уровне она могла владеть литературным немецким.

«Духами» оказывались как бы «отколовшиеся» части ее личности, лежавшие за пределами сознания. Однако имелось одно важное исключение. Малограмотная девушка явно ничего не знала о космологии гностиков—валентиниан II в. н.э., не могла она придумать столь сложную систему, но в сообщении одного из «духов» эта система была изложена детальным образом.

Эти наблюдения легли в основу докторской диссертации К.Г. Юнга «О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов» (1902). Данная работа до сих пор сохранила определенное научное значение — Юнг дает в ней психологический и психиатрический анализ медиумического транса, сопоставляет его с галлюцинациями, помраченными состояниями ума. Он отмечает, что у пророков, поэтов, мистиков, основателей сект и религиозных движений наблюдаются те же состояния, которые психиатр встречает у больных, слишком близко подошедших к священному «огню» — так, что психика не выдержала, произошел раскол личности. У пророков и поэтов к их собственному голосу часто примешивается идущий из глубин голос как бы другой

личности, но их сознанию удается овладеть этим содержанием и придать ему художественную или религиозную форму. Всякого рода отклонения встречаются и у них, но зато имеется интуиция, «далеко превосходящая сознательный ум»; они улавливают некие «праформы». Впоследствии Юнг назвал эти праформы архетипами коллективного бессознательного. Они в разное время появляются в сознании людей, как бы всплывают независимо от воли человека; праформы автономны, они не определяются сознанием, но способны воздействовать на него. Единство рационального и иррационального, снятие субъект–объектного отношения в интуитивном прозрении отличают транс от нормального сознания и сближают его с мифологическим мышлением. Каждому человеку мир праформ открывается в сновидениях, которые оказываются основным источником информации о психическом бессознательном.

Таким образом, к главным положениям собственного учения о коллективном бессознательном Юнг пришел еще до встречи с Фрейдом, произошедшей в 1907 г. К тому времени у Юнга уже было имя — известность ему принес прежде всего словесно— ассоциативный тест, позволивший экспериментально выявлять структуру бессознательного. В лаборатории экспериментальной психопатологии, созданной Юнгом в Бургхёльци, испытуемому предлагался список слов, на которые тот должен был тут же реагировать первым пришедшим на ум словом. Время реакции фиксировалось с помощью секундомера. Затем тест был усложнен — с помощью различных приборов замечались физиологические реакции испытуемого на различные слова—стимулы. Главное, что удалось обнаружить, — это наличие слов, на которые испытуемые не могли быстро найти отклик, либо удлинялось время подбора слова—реакции; иногда они надолго замолкали,

«отключались», заикались, отвечали не одним словом, а целой речью и т.д. При этом они не осознавали, что ответ на одно слово—стимул, например, занимал у них в несколько раз больше времени, чем на другое. Из этого Юнг сделал вывод о том, что такие нарушения в реагировании связаны с наличием заряженных психической энергией «комплексов» — стоило слову—стимулу «дотронуться» до такого комплекса, как у испытуемого появлялись следы легкого эмоционального расстройства. В дальнейшем этот тест способствовал появлению многочисленных «проективных тестов», широко используемых и в медицине, и при подборе кадров, а также появлению столь далекого от чистой науки прибора, как «детектор лжи». Юнг считал, что этот тест выявляет в психике испытуемого некие фрагментарные личности, расположенные за пределами сознания. У шизофреников диссоциация личности значительно более выражена, чем у нормальных людей, что в конечном счете ведет к разрушению сознания, распаду личности, на месте которой остается ряд «комплексов». Впоследствии Юнг разграничивал комплексы личного бессознательного и архетипы коллективного бессознательного. Именно последние напоминают отдельные личности. Если раньше безумие объяснялось «одержимостью бесами», которые приходили в душу извне, то у Юнга оказывалось, что весь их легион уже содержится в душе, и при определенных обстоятельствах они могут одержать верх над «Я» — одним из элементов психики. Душа всякого человека содержит в себе множество личностей, и у каждой из них имеется свое «Я»; время от времени они заявляют о себе, выходят на поверхность сознания. Древнее речение: «У нежити своего облика нет, она ходит в личинах» можно было бы применить к юнговскому пониманию психики — с

той оговоркой, что сама психическая жизнь, а не «нежить», обретает разного рода маски.

Конечно, эти идеи Юнга были связаны не только с психиатрией и психологическими экспериментами. Они «носились в воздухе». К. Ясперс тревогой писал об эстетизации разного рода психических отклонений — так выражал себя «дух времени». В творчестве многих писателей нарастал интерес к «легионам бесов», населяющим темные глубины души, к двойникам, к «внутреннему человеку», радикально отличному от внешней оболочки. Часто этот интерес, как и у Юнга, сливался с религиозными учениями. Достаточно упомянуть австрийского писателя Г. Майринка, на романы которого иногда ссылался Юнг («Голем», «Ангел в западном окне», «Белый доминиканец» и др.). В книгах Майринка оккультизм, теософия, восточные учения служили как бы системой отсчета для противопоставления метафизически — чудесной реальности миру обыденного здравого смысла, для которого эта реальность «безумна». Конечно, такое противопоставление было известно и Платону, и апостолу Павлу («Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?»); оно присутствовало и в европейской литературе во времена Шекспира, Сервантеса, Кальдерона, было характерным для всего немецкого романтизма, произведений Гоголя и Достоевского, многих писателей нашего века. Однако здесь изменилась перспектива видения, была перевернута система координат: божественное, священное стали искать в бездне бессознательного, во тьме. Юнг писал в своих воспоминаниях, что в «Фаусте» его привлекал не образ главного героя, но, во-первых, знаменитые «Матери» из второй части, а во-вторых, Мефистофель, заявлявший, что он часть той силы, которая всегда «творит добро, всему желая зла». Отличие Юнга от

всякого рода декадентства, воспевающего зло, не вызывает сомнений: синтез витализма и спиритуализма, Шопенгауэра и алхимии, научной психологии и «тайных» наук не мог быть устойчивым.

Встречу с психоанализом нельзя назвать случайной, как и позднейший разрыв с Фрейдом. Хотя Юнг был очень многим обязан именно Фрейдю, его трактовка бессознательного с самого начала отличалась от фрейдовской. Своими учителями он считал Э. Блейлера и П. Жане. Блейлер писал о случаях раздвоения личности, об «аутическом мышлении», которому противопоставлялось «реалистическое», ввел в психиатрию термин «шизофрения» (т.е. расщепление, раскол личности). От Жане он унаследовал энергетическую концепцию психики: реальность окружающего мира требует определенного количества психической энергии и вместе с ослаблением ее притока происходит «понижение уровня сознания» (*abaissements du niveau mental*). В сновидениях, галлюцинациях, видениях присутствует тот же материал, который наполняет и бред психотика. Жане писал также о диссоциации личности (на две и более), причем лишь одна из них является носителем сознания («Я»), другие считались выражением бессознательных сил. Однако, пока речь шла о методах психотерапевтического лечения, воздействие Фрейда было определяющим: хотя Юнг был и остается первым «еретиком» с точки зрения ортодоксального психоанализа, его техника лечения пациентов отличалась от фрейдовской незначительно. А имевшиеся все же отличия в психотерапии являлись следствием значительных расхождений взглядов как в области психологии, так и в философском видении человека. У создателя психоанализа на первом месте стоял конфликт сознания с вытесненными в бессознательное влечениями,

имевшими преимущественно сексуальный характер. Отход Юнга от «пансексуализма» («десексуализация либидо») был связан не с пуританским ханжеством, как это представляли фрейдисты, а с отказом от натурализма и детерминизма XIX в. Позитивизм и физиологический материализм оказались непригодными в качестве фундамента психотерапии.

>Обращение Юнга к мифологии, религии, искусству не было прихотью. Одним из первых Юнг приходит к мысли о том, что для понимания человеческой личности — здоровой или больной — необходимо выйти за пределы формул естествознания. Не только медицинские учебники, но и вся история человеческой культуры должна стать открытой книгой для психиатра. К биохимическим и физиологическим нарушениям можно отнести лишь незначительную часть психических заболеваний. Болеет личность, которую, в отличие от организма, можно понять лишь через рассмотрение ее социально— культурного окружения, сформировавшего ценности, вкусы, идеалы, установки. Индивидуальная история вливается в жизнь того или иного сообщества, а затем и всего человечества. Понимая это, Юнг был против сведения всех затруднений взрослого человека к его ранней предыстории, детству. Семья является первой инстанцией приобщения ребенка к человеческому миру, и от нее зависит многое, в том числе и психическое здоровье. Но для понимания нормы и патологии необходимо выйти на макропроцессы культуры, духовной истории человечества, в которую включается и которую интериоризует индивид. К сожалению, эту историю Юнг понимал в духе витализма; культурные по своей сути черты оказались биологически наследуемыми. К тому же из всего социального мира Юнг избрал область религиозно— мифологических представлений, обособив их от других сторон

человеческой истории.

Отличие от Фрейда заключалось и в общепhilosophическом понимании «жизни». Если у Фрейда психика и жизнь в целом представляют собой поле борьбы непримиримых противоположностей, то у Юнга речь идет скорее об утраченном первоначальном единстве. Сознание и бессознательное взаимно дополняют друг друга — китайские символы Инь и Ян, Андрогины алхимиков постоянно выступают как иллюстрации к психологическим работам Юнга.

Центральное понятие Юнга — это «коллективное бессознательное». Он отличает его от «личностного бессознательного», куда входят прежде всего вытесненные из сознания представления; там скапливается все то, что было подавлено или забыто. Этот темный двойник нашего «Я» (его Тень) был принят Фрейдом за бессознательное как таковое. Поэтому Фрейд и обращал все внимание на раннее детство индивида, в то время как Юнг считал, что «глубинная психология» должна обратиться к гораздо более отдаленным временам. «Коллективное бессознательное» является итогом жизни рода, оно присуще всем людям, передается по наследству и является тем основанием, на котором вырастает индивидуальная психика. Подобно тому, как наше тело есть итог всей эволюции человека, его психика содержит в себе и общие всему живому инстинкты, и специфически человеческие бессознательные реакции на постоянно возобновляющиеся на протяжении жизни рода феномены внешнего и внутреннего миров.

Психология, как и любая другая наука, изучает универсальное в индивидуальном, т.е. общие закономерности. Это общее не лежит на поверхности, его следует искать в глубинах. Так мы обнаруживаем систему установок и

типичных реакций, которые незаметно определяют жизнь индивида («тем более эффективно, что незаметно»). Под влиянием врожденных программ, универсальных образцов находятся не только элементарные поведенческие реакции вроде безусловных рефлексов, но также наше восприятие, мышление, воображение. Архетипы «коллективного бессознательного» являются своеобразными когнитивными образцами, тогда как инстинкты — это их корреляты; интуитивное схватывание архетипа предшествует действию, «спускает курок» инстинктивного поведения.

Юнг сравнивал архетипы с системой осей кристалла, которая преформирует кристалл в растворе, будучи неким невещественным полем, распределяющим частицы вещества. В психике таким «веществом» является внешний и внутренний опыт, организуемый согласно врожденным образцам. В чистом виде архетип поэтому не входит в сознание, он всегда соединяется с какими-то представлениями опыта и подвергается сознательной обработке. Ближе всего к самому архетипу эти образы сознания («архетипические образы») стоят в опыте сновидений, галлюцинаций, мистических видений, когда сознательная обработка минимальна. Это спутанные, темные образы, воспринимаемые как что-то жуткое, чуждое, но в то же время переживаемые как нечто бесконечно превосходящее человека, божественное.

В работах по психологии религии для характеристики архетипических образов Юнг использует термин «нуминозное» (от латин. «божество»), введенный немецким теологом Р. Отто в книге «Священное» (1917). Отто называл нуминозным опыт чего-то переполняющего страхом и трепетом, всемогущественного, подавляющего своей властью, перед которым человек лишь «персть смертная»;

Содержание

Жизнь и воззрения К. Г. Юнга.....	3
Подход к бессознательному	30
Об архетипах коллективного бессознательного.....	141
Психология и религия.....	190
Проблема души современного человека.....	287
Йога и Запад	315
Введение в религиозно-психологическую проблематику алхимии.....	327
Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству	375
Примечания	405

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Карл Густав ЮНГ

АРХЕТИП И СИМВОЛ

(Російською мовою)

Підписано до друку 27.03.2023 р. Формат 60x84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 27,25. Тираж 300 прим.

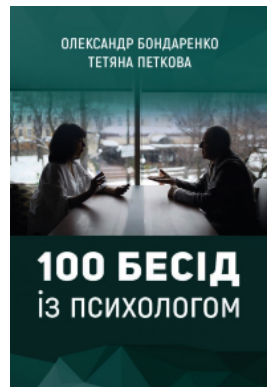
Видавничий дім «СВАРОГ»
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Рекомендована література

Психологические типы

100 бесід із психологом

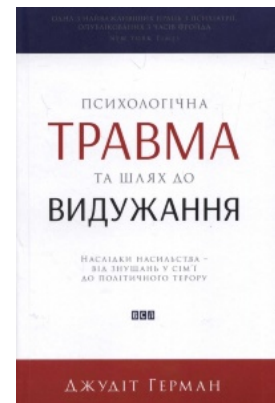
Психологія несвідомого

Психологія переноса

#В постели с твоим мужем. Записки любовницы. Женам читать обязательно!

Психологічна травма та шлях до видужання

Перейти до категорії
Аналітична психологія

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ